

М. В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук, доц., НТУ «ХПИ»;
Г. Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук, доц., ХНУРЭ, Харьков

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ В СВЕТЕ КАНТОВСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Статья посвящена аксиологическому аспекту современной эпистемологии. Одним из первых обратил внимание на морально-ценностную сторону человеческого познания И. Кант в своих работах о проблемах «практического разума». Принципиальная новизна кантовского подхода состоит в том, что практическому разуму, отводится особая, ведущая роль в человеческой деятельности. В фундаменте познавательной деятельности, по его мнению, лежит соотношение теоретического и практического разума, или, в современной интерпретации, — диалектика когнитивного и ценностного.

Ключевые слова: эпистемология, ценности, мораль, «практический разум», когнитивное.

Введение. Исследования проблем современной эпистемологии показали, что ее дальнейшее развитие возможно осуществить, лишь рассмотрев познание в его антропологических смыслах и аспектах, стремясь преодолеть тем самым абстрактный гносеологический подход, упускающий из виду и по существу утрачивающий в качестве своего предмета человека как такового. В современную эпистемологию приходит новое видение и самого познания, его теории как эпистемологии, и понимания ценностей, их особой роли, не только внешней, но и имманентной знанию, неотъемлемой от познавательной деятельности в целом [1, с.25]. Возникает потребность заново осмыслить предложенную в работах И. Канта концепцию трансцендентального и диспозиционного подходов к ценностям, а также более основательно использовать опыт естественных и гуманитарных наук в этой сфере. Все это делает особенно актуальным обращение к трудам И. Канта, посвященным этическим проблемам научного познания.

Анализ последних исследований и литературы. На соотношение морально-этического и рационально-теоретического компонентов человеческого познания в концепции И. Канта обратил внимание еще М. Хайдеггер, в частности, в работе «Кант и проблема метафизики». делает заключение, что Кант видит в «вопросах о человеке, т.е. антропологии», обоснование метафизики. Дальнейшее развитие данная тематика получила в трудах таких отечественных и зарубежных исследователей, как А. Александров, О. Дробницкий, А. Кармин, Е. Мамчур, М. Мамардашвили, Э. Соловьев, Г. Коген, Э. Кассирер, Х. Лейси. В по-

© М. В. Смоляга, Г. Г. Старикова, 2014

следние годы особое внимание проблематике ценностной стороны познания в теории И. Канта уделяла Л.Микешина. В частности, она указала, что приоритет практического, т.е. морального сознания, объясняется рядом его фундаментальных свойств: независимостью, самоценным значением нравственных принципов, реализующихся в «доброй воле» субъекта, в его поступках, поведении.

Цель данной работы – рассмотрение этической концепции И. Канта с точки зрения ценностных проблем современной эпистемологии.

Результаты исследований. Традиционно считается, что Кант является одним из главных представителей предельно абстрактной трактовки субъекта, его познавательной деятельности и в целом теории познания. Однако следует помнить о том, что Кант осуществил «возвращение» субъекта к самому себе, своему сознанию, саморефлексии как основной теме и методу философствования. При этом его учение о возможностях и границах чистого разума предстает в контексте трех «Критик», предполагающих взаимодополнительность теоретического и практического разума — нравственного сознания человека, его свободы, а также «способность суждения» как способность оценки, которую выносит человек. Познавательная способность исследуется в единстве с оценочной и волевой способностями человека, а субъект становится активным, преодолевает гносеологическую «частичность», предстает в своей целостности.

Вместе с тем человек как «одно из явлений чувственно воспринимаемого мира», воля которого — «эмпирическая причина всех его поступков», а также человек как морально поступающий «гражданин мира» — это принципиальные «предпосылки» кантовской теоретической философии. Одной из важнейших особенностей кантовской теории является диалектика теоретического и практического разума. Как представляется, философское разграничение познавательного и ценностного восходит к его противопоставлению теоретического разума, направленного на познание сущего, и практического, обращенного к человеческой морали — особому миру должного. В этом мире господствует нравственный закон, абсолютные свобода и справедливость, стремление человека к добру. Мир морали автономен и не может быть познан с помощью теоретического разума. Кант неоднократно подчеркивал, что последний оказывается бессильным перед многими им же самим сформулированными вопросами этического порядка. В их числе, например, вопрос о том, как может человек быть заинтересован в исполнении нравственного закона, противного его естественным стремлениям. Если теоретический разум должен был «начинать с созерцания... с чувственности, только от них перейти к понятиям... и завершиться основоположениями» [2, с. 58], то метод практического разума, а, следовательно, и метод познания «мира должного», ценностей – иной. Здесь необходимо «от

общего, т.е. от морального принципа через подведение возможных поступков под это общее идти к заключению, а именно к субъективному определению воли...» [2, с. 75].

В этой работе мы вновь встречаемся с феноменами первой «Критики»: временем как условием внутреннего созерцания, чувственностью и рассудком, дискурсивным и интуитивным, внутренним и внешним опытом, но контекст уже другой, здесь они рассматриваются как проблемы эмпирического субъекта. Теперь можно обсуждать «обвинения и оправдания» чувственности, доказывать, что чувственное созерцание и мысль об объекте зависят «не только от свойств объекта представления, но и от свойств субъекта и его восприимчивости»; рассматривать способность познания как способность обозначения. Но вместе с тем опять, как и в первой «Критике», подчеркивается неправомерность смешения психологического (прикладного) и логического (чистого) сознания, что, например, делается в случае отождествления психологами понятий внутреннего чувства и апперцепции как свободной интерпретации понятия Канта. Как известно, каждая интерпретация Канта несет на себе следы герменевтического принципа «понять автора лучше, чем он сам себя понимал». Соответственно высвечиваются те смыслы, которые могут присутствовать в текстах Канта только имплицитно, а главное – появляется возможность развить кантовскую проблематику в интересующем интерпретатора направлении.

Принципиальная новизна состояла в том, что практическому разуму, т.е. моральному сознанию, была отведена особая – ведущая роль в человеческой деятельности, одновременно по-новому определены место и роль теоретического разума, выяснены и обоснованы его пределы и возможности. Отдавая принципиальное первенство практическому разуму, Кант опирается на особые потенции и свойства нравственного сознания, в то же время осознавая опасность скрытых спекулятивных возможностей теоретического разума. «Опасные возможности» теоретического разума проявляются, в частности, в том, что он обладает необоснованными претензиями решать все человеческие проблемы, во всех сферах бытия, тогда как в действительности вне его возможностей остается сфера должного, а вместо «мира сущего» спекулятивный разум стоит перед некоей видимостью индивидуального или трансцендентального порядка и может создать иллюзию реально не существующего предметного образа.

Как отмечал Кант в «Критике чистого разума», стремясь предписывать свою дисциплину всем другим стремлениям, разум сам нуждается в дисциплине; «...видя торжественность и серьезную осанку, с какой он выступает, никто не подозревал, что он легкомысленно играет порождениями воображения вместо понятий и словами вместо вещей». Таким образом, субъект должен осознавать границы и возможности теоретического

разума, в связи с чем возникает необходимость интеллектуальной честности, сознательной моральной направленности самого мышления. Практический разум как разумная воля, осуществляемая «согласно представлению о законах», становится осознанным принципом поведения, делает человека независимым от знания, от его способности познавать. В этом смысле, согласно трактовке Э. Ю. Соловьева, известное положение Канта о том, что ему пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере, (сформулированное немецким философом в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума») неточно отражает саму кантовскую позицию. В действительности он требовал осознания ограниченности достоверного человеческого знания и освобождения места для чисто моральной ориентации (для веры как нравственного убеждения), для доверия к безусловным нравственным очевидностям. Именно практическое, нравственное сознание сдерживает непомерные претензии теоретического разума на «всезнание», устанавливает моральные запреты на определенные формы и направления интеллектуальной активности, отвергает использование субъектом теоретического разума в корыстных целях в любой сфере деятельности [3, с. 28].

Таким образом, субъект должен осознавать границы и возможности теоретического разума, в связи с чем возникает необходимость интеллектуальной честности, сознательной моральной направленности самого мышления. Что может сделать для этого практический разум, какими он обладает свойствами и возможностями? И в связи с этим — что понимается под феноменом «практический разум» как прообразом моральных ценностей, как представляется их роль в системе отношения теоретического и практического разума, т.е. (в современной терминологии) в оппозиции «когнитивное – ценностное». «Критика практического разума» дает основной материал для понимания кантовского ответа на этот вопрос, хотя и не исчерпывает всех поставленных им проблем. Приоритет практического, т.е. морального сознания, объясняется рядом его фундаментальных свойств. Это прежде всего независимое, самоценное значение нравственных принципов, реализующихся в «доброй воле» субъекта, в его поступках, поведении, подчиненных «только своему собственному и, тем не менее, всеобщему законодательству» [2, с. 60].

Однако Кант не абсолютизирует возможности практического разума, «морального закона в нас» и формулирует серьезные требования, выполнение которых является условием продуктивного воздействия на теоретический разум. Отвергая натуралистическую трактовку морали, он говорит о необходимости предъявлять человеку самые высокие требования для того, чтобы возвысить «человека над самим собой (как частью чувственно постигаемого мира)». Человек, опирающийся на практический разум в познании, должен быть определенным образом подго-

товлен, чтобы иметь «моральный образ мысли в борьбе», в которой истинно нравственным предстает не самодовольство, но критическая самооценка и высокое чувство долга. Практический разум как разумная воля, осуществляемая «согласно представлению о законах», становится осознанным принципом поведения, делает человека независимым от знания, от его способности познавать. Именно практическое, нравственное сознание сдерживает непомерные претензии теоретического разума на «всезнание», устанавливает моральные запреты на определенные формы и направления интеллектуальной активности, отвергает использование субъектом теоретического разума в корыстных целях в любой сфере деятельности.

Обосновывая необходимость действовать на основе «должного», определенных моральных критериев, снимающих узкопрактические, корыстные, стихийные цели и потребности, Кант вместе с тем не дает социально-философской исторической интерпретации смысла моральных требований и критериев. Отмечая этот момент, О. Г. Дробницкий полагал, что за такой постановкой проблемы у Канта скрывается важная социальная функция морального сознания, определяющего «сущностные» потребности человека и общества, «скрытый за поверхностью каждодневных явлений сущностный закон бытия человека, тенденции и перспективы его исторического развития [4, с.39]. Это важно как для понимания значимости кантовской постановки проблемы практического разума, так и для понимания роли нравственных ценностей в познании в целом.

Кант по существу поставил проблему методологической роли нравственного сознания (а. следовательно, ценностного сознания вообще) в когнитивной деятельности субъекта, сделав «моральный закон в нас» условием сохранения интеллектуальной честности. Исследования последних десятилетий показали, что такая трактовка присутствует уже в «Критике чистого разума», особенно в «Трансцендентальной диалектике». Идеи заключительной ее главы Э. Ю. Соловьев, вопреки идущей от Г. Когена скептической оценке, рассматривает как «величайшее завоевание», которое Кант мог бы развернуть «в особое этическое (а точнее — этико-эпистемологическое) исследование» [3, с. 28].

Выводы. В целом учение Канта о регулятивных функциях, максимах чистого разума, а также об априорных основоположениях, выражая идею активности субъекта, подводит вплотную к проблеме ценностных, мировоззренческих предпосылок, оснований, идеалов и норм, выявлению их фундаментального значения, наряду с эмпирическим знанием, в становлении теории. Именно здесь заложена возможность расширить представления о ценностях и их социокультурной природе, а также их роли в самом знании, его росте и развитии, построении и обосновании, что приобрело особое значение в связи с развитием учения о социокультурной

обусловленности познания. Кант, исследуя априорные основоположения и принципы познавательной деятельности, по существу, характеризует такие эпистемические формы, в которых органически сочетаются собственно когнитивные и идущие от социальной практики, культуры регулятивы и принципы, т.е. тем самым намечаются пути философско-теоретического рассмотрения проблемы «когнитивное – ценностное». Если сегодня традиционно и утверждается, что под влиянием ценностей происходит «деформация» познания, его результатов, то Кант видел причины ошибок и иллюзий теоретического разума как раз в отсутствии контроля со стороны морального сознания. Но в то же время он не обольщается относительно интенций практического разума, который старается включить теоретический разум в свои границы. Отсюда естествен тот выход, который видит Кант: «Быть может, когда-нибудь удастся постичь единство всей способности чистого разума (как теоретического, так и практического) и можно будет все выводить из одного принципа, а это неизбежная потребность человеческого разума, который находит полное удовлетворение только в полностью систематическом единстве своего познания» [2, с. 114].

Таким образом, в фундаменте познавательной деятельности лежит соотношение теоретического и практического разума, или, в современной интерпретации, – диалектика когнитивного и ценностного, их взаимопроникновение и взаимодополнение. Только в этом случае разум не сможет вольно гипостазировать мыслимое, но не существующее, будет введен в рамки гуманистических требований, а также могут быть преодолены различного рода иллюзии, видимости, возникающие из нравственных идеалов справедливости, всеобщего блага и т.д.

Список литературы: 1. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М. : РОССПЭН, 2007. – 439 с. (Серия «Humanitas»). 2. Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант. Собр. соч. в 8 т. – Т. 4. – М. : Прогресс, 1994. – 354 с. 3. Соловьев Э. Ю. Морально-этическая проблематика в «Критике чистого разума» / «Критика чистого разума» Канта и современность. – Рига, 1984. – С. 15–48. 4. Дробницкий О. Г. Теоретические основы этики Канта / О. Г. Дробницкий / Философия Канта и современность. – М. : Просвещение, 1974. – С. 125–167.

Bibliography (transliterated): 1. Mikeeshina, L.A. *Epistemologiya zennostey*. Moscow: ROSSPEN, 2007. Print. 2. Kant I. *Osnovopolozheniya metafiziki npravov*. Sobr. soch. 8 Vol. Vol. 4th. Moscow: Progress. 1994. Print 3. Solovyev, E.Y. "Moralno-eticheskaya problematika v "Kritike chistogo razuma". " *Kritika chistogo razuma* " Kanta I sovremennost. Riga, 1984. 15–48. Print. 4. Drob nizkiy O.G. "Teoreticheskiye osnovi etiki Kanta." *Filosofiya Kanta I sovremennost*. Moscow: Prosvetsheniye. 1974. 125–167. Print.

Поступила (received) 07.12.2014.